

НАША СТРАНА

Год издания—46-ой. Буэнос Айрес, суббота 21 мая 1994

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 21 de mayo de 1994 N° 2285

Олег Платонов (Москва)

ПРАВОСЛАВИЕ — ДОБРОТОЛЮБИЕ — СОБОРНОСТЬ

Без понятия православия невозможно осознать значение русской цивилизации, Святой Руси, хотя следует помнить, что оно не сводится к чистой церковности и образцам древней русской святости, но гораздо шире и глубже их, включая всю духовно-нравственную сферу русского человека, многие элементы которой возникли еще до принятия христианства. Православие венчало и упрочило древнее мировоззрение русского народа, придав ему более утонченный и возвышенный характер.

Русское православие — это прежде всего добротолюбие. Любить добро — главное для истинного православного. Такое отношение к вере идет из глубины русского национального сознания, согласно которому человек по природе добр, а зло в мире — отклонение от нормы. Обращаясь к истокам, мы можем отметить, что это нравственное начало преобладало в древнем мироощущении наших предков. В древних русских воззрениях отчетливо пробивается мысль о совершенствовании, преображении души человека на началах добра и лада.

Нравственный, поэтический взгляд древних предков на природу отмечает известный русский ученый-фольклорист А. Н. Афанасьев. Поклонение идет не языческим божкам, а нравственным основам бытия. Язычество для наших древних предков скорее система духовно-нравственных понятий, чем религия. В основе поклонения — всесоздающие силы природы, которые для русского человека суть благо, добро и красота. Обогащаются все, что связано с добротой и благом.

Русское православие родилось как живая вера, состоявшая в единстве религиозного чувства и деятельности. Конечно, русское православие с самого начала есть соединение православных людей, принимавших всю обрядово-догматическую сторону веры, но этим оно не ограничивается. Русское православие не только религиозная система, но состояние души — духовно-нравственное движение к Богу, включающее все стороны жизни русского человека — государственную, общественную и личную. Русское православие развивалось вместе с национальным сознанием и национальным духом русского человека. По мере возвышения национального духа возвышалось православие, и наоборот, разложение национального сознания вело к вырождению православия.

К Богу русский человек испы-

тывал особо национальное чувство. „Русский Бог велик — говорил он, — Велик Бог русский и милосерд до нас“.

„Жив Бог, жива душа моя“, „Жить — Богу служить“, „Человек ходит — Бог водит“, „Нужен путь — Бог правит“, „Бог пути кажет“, „Человек гадает, а Бог совершает“.

Это, конечно, не означало безоглядное упование на Бога. Нужно не только молиться, но и действовать.

„На Бога надейся, а сам не плошай!“, „Богу молись, а в делах не плошись!“, „Богу молись, а добра-ума держись!“, „Богу молись, а к берегу гребись!“

Переменить веру православную, считал русский человек, — смертельный грех. „Менять веру — менять и совесть“.

Каждое дело надо начинать с молитвы — „Не торопись, сперва Богу помолись“. Любое дело — „Благословясь не грех“. „Дело не спорится — углам помолись“, „Что бы ни пришло — все молись“.

Однако и молиться надо, очистив себя от всякой скверны и греховных помыслов. „Лихо думаешь — Богу не молись“.

В выборе веры сказался национальный характер народа. Красота богослужения, конечно, не главное, что определило выбор. Главное в том, что православие отвечало характеру народа и позволяло ему сохранять свои народные традиции, обычаи и идеалы. В отличие от католичества, православие не навязывало русскому народу чуждый язык богослужения (мертвую латынь), не пыталось поставить над русской государственной властью деспотическую власть римских пап.

„Рим никогда не отвечал нашему духу и нашему характеру, — писал И. Ильин. — Его самоуверенная, властная и жестокая воля всегда отталкивала русскую совесть и русское сердце“.

Православие не противопоставляло власть светскую и духовную, а действовало по принципу: Богу Богово, а кесарю кесарево. Однако и „греческое вероисповедание мы, не искажая, восприняли настолько своеобразно, что о его „греческости“ можно говорить в условном, историческом смысле“ (И. Ильин). Главное состояло в том, что новоиспеченные русские христиане внесли в новую веру глубокие нравственные начала, рожденные еще в дохристианский период, и прежде всего о приоритете добра в жизни, о неизбежности победы добра в борьбе со злом. На Руси православное христианство стало добротолюбием, вобрав в себя все прежние народные взгляды на добро и

зло и оптимистическую веру в добро.

Крещение Руси соединило два родственных мироощущения. Так русские внесли в православие жизнеутверждающий оптимизм победы добра и усилили его нравственные начала, придав им более конкретный характер практического добротолюбия. Этим русское православие отличалось от византийского, которое абсолютизировало проблему зла, его неотвратимости, преодолеть которое можно только через строгий аскетизм и мистические искания. Безусловно, Русская Православная Церковь освоила мистический и аскетический опыт Востока, но, как показывает история, в довольно узких пределах национальных традиций и обычаев. Широкой массе русского народа был чужд мистицизм в смысле „личной встречи с Богом“. Путь к Богу русского человека шел не просто через бездейственную молитву или молитвенный экстаз, хотя это тоже было, а через живое дело добротолюбия и труд, совершаемый с молитвой. Развился на Руси и религиозный аскетизм, хотя масштабы его распространения были не столь велики.

Аскетизм, уход от мира как средство борьбы с мировым злом в русском народном сознании допускается только для немногих монашествующих, которые пользуются огромным авторитетом. Вместе с тем отгородиться от мира высокими стенами — это еще не значит бороться с ним повседневно в быту. Эта борьба не менее важна, чем аскетическое служение, а для большинства русских людей — единственно приемлема. В отличие от Византии, русское православие смотрит на мир оптимистично. В нем нет мрачных тонов и чувства безнадежности, которыми пронизана византийская церковь.

Национальный характер русского православия служит единственно нации и национальному самосознанию, а значит, способствует строительству национального государства. Еще в „Повести временных лет“ проводится мысль о славянском (русском) единстве, единении Руси, богоизбранности славянского (русского) народа. Причем богоизбранность не как противопоставление другим народам, а как особая миссия борьбы с мировым злом, миссия добротолюбия.

Национальный характер русского православия проявляется в создании целого ряда национальных иконографических типов — „Покров“, „Собор Богома-

тери“, „О Тебе радуется“ и др., отсутствующие в других христианских церквях. В иконе „Покров“ выражается идея покровительства Пресвятой Богородицы над русским народом.

Национальные русские святые — подвижники русского православия, все без исключения патриоты Русской Земли, для них всегда предпочтительней скорее погибнуть, чем вступить в сговор с врагами отечества.

В „Слове о законе и благодати“ (11-й век) первый русский митрополит Иларион излагает духовно-нравственную суть русского православия. Писанный закон веры без благодати мало что значит. „Закон дан на „приготовление“ благодати, но он не сама благодать: закон утверждает, но не просвещает. Благодать же живит ум, а ум познает истину“. Благодать у Илариона понимается не в чисто литургическом смысле, а как духовно-нравственная категория победы добра в душе человека и вытеснение зла. Закон, по мнению Илариона, разоблачает народы, так как выделяет среди них один народ. Благодать дана всем народам, она соединяет их в одно целое, тождественное истине, дает оправдание земному существованию человека. Говоря о христианах, имея в виду, конечно, прежде всего русский народ, Иларион пишет: „Иудеи в законе ищут свое оправдание, христиане на благодати основывают свое спасение; и если иудейство оправдывается тенью и законом, то христиане и благодатью не оправдываются, а спасаются“.

Русский человек иначе осмысливает и само христианское благочестие: благочестивым считал не того, кто проводит время в постах и молитвах, но того, кто добродетелен в жизни. „Слово о мытарствах“ (12-й век) относит к греховным нравственным преступлениям: ложь, клевету, зависть, гнев, гордость, насилие, воровство, блуд, скупость, немилосердие. Русский человек считал, что для спасения недостаточно одного аскетического следования заповедям Христа; необходимо, чтобы деяния человека были полезны всем, общественно значимы; лишь пред теми откроются „врата небесные“, кто сознательно творит добрые дела, приносит благо ближним, ибо само неведение добра „злое есть согрешение“.

В „Повести временных лет“ земная жизнь рассматривается как противостояние добра и зла, причем не только как борьба посланников Бога и слуг сатаны, но как противостояние добрых и злых людей. Последние опас-

БИБЛИОГРАФИЯ

Ф. Медведев. „После России“ (Москва, 1992).

Книга содержит чрезвычайно интересные, ценные и разнообразные материалы. В ней собраны интервью, взятые автором, подсоветским журналистом у самых разных лиц, симпатичных и нет, — но это уж не его вина.

Привлекает внимание корректное, правдивое интервью записанное им со слов Великого Князя Владимира Кирилловича, теперь, к несчастью, уже покойного.

Анри Труайя, он же Лев Тарасов, французский эмигрант пишущий по-французски, член французской академии, сказал Медведеву следующее: „Я считаю, что тоталитарные системы должны исчезнуть, они обречены на гибель. Должно исчезнуть все, что было создано под игом тоталитаризма. Я за свободу. Считаю период царствования Сталина гибельным для России. Он задушил Россию, ее народ, ее свободу. Но все началось с Ленина...“

„Саша“ Соколов, писатель довольно посредственный, весьма дельно высказался об Америке: „Я, к сожалению, не был в Японии, стране колоссальной многоэтажной культуры, которую ничем не вытравить... Америка не обладает такой культурой, у нее есть только 200 лет какой-то жалкой демократии. Школа выпускает малограмотных людей. По сути, она не дает никакого образования... Эту страну идеологически можно взять голыми руками. Американцы ни для чего не пригодны, у них отсутствует всякое любопытство о мире, а это страшная черта... Катастрофа происходит в наши дни, происходит незаметно. Я имею в виду американизацию — смерть всей культуры, нашу смерть. Я вижу, как эта чума наступает на Европу“.

Побеседовав с З. Шаховской, Медведев, вполне справедливо, отмечает, что у нее „трудный характер“. Один из пунктов в их

разговоре был ее решительный протест против канонизации Царя Николая Второго.

Берберову Медведев не совсем справедливо именуется „вдовой Ходасевича“. На деле, она ведь с ним задолго до его смерти разошлась и имела после него нескольких мужей, а он — другую жену.

Интервьюеру она наговорила массу невероятных глупостей. Например: „Мальтийского ордена не существует с 18-го в.“ Помилуйте, да на моей улице в Париже открыто бюро этого ордена! Да фотографии его церемоний постоянно публикуются во французской прессе (вероятно, и в иных странах тоже).

Или вот: „Николай Второй и его министры все время палки в колеса втыкали, чтобы мужика не учить, чтобы сына его и внука не учить грамоте“. Это ведь уж прямая ложь, и не только злонамеренная, но и грубая до предела!

Любопытно такое ее о себе сообщение: „У меня к гомосексуализму самое либеральное отношение“. Вопрос вкуса, конечно.

О Керенском она кратко уточняет: „Политическая карьера Керенского связана с масонством“.

Эдичка Лимонов объявляет: „Я всегда был патриотом и не скрывал этого“; но дополняет: „Сталин — тиран, но я считаю, что иногда тиран бывает и полезен, потому что помимо своей воли он сплачивает людей в переломные моменты истории“. Хочется спросить: не слишком ли дорогой ценой?

О знаменитой французской писательнице в декадентском жанре, Натали Саррот, мы узнаем, что она в действительности, — русская еврейка, Наталья Ильинична Черняк. Взгляды ее, — ультралевоу интеллигентки, которая с трудом и очень поздно разочаровалась в революции, но все же не принимала сталинизма. С комическим ужасом рассказывает она, что ей сказали о Солженицыне, будто он правый и даже, страшно вымолвить, — националист...

Владимир Максимов с одной стороны оправдывает всех, мол все мы были „жертвами социального соблазна“, с другой же ярост-

но атакует своих коллег А. Рыбакова и В. Солоухина за прежние ошибки (хотя в таковых был виноват сам не меньше их, и в свое время исправно восхвалял в стихах товарища Сталина).

Однако порою и у него вырываются правдивые слова: „Под книгами Пайпса и Янова подписался бы сам Розенберг“! Что верно, то верно...

Он нас информирует, что Кюстин после своей русофобской книги, „спустя 10 лет написал абсолютно „наоборотную“ книгу“. Не знаем, о какой книге речь?

Трудно согласиться с его крайне пренебрежительным отзывом о Николае Втором. Но мы видели, и еще увидим в той же книге, что тут г-н Максимов не одинок.

Вот, к примеру, Э. Кузнецов вовсе уж беспардонно обкладывает память нашего последнего Государя: „Те, кто ищет виновников в революции, пусть посмотрят на Николая Второго. Он сделал для революции так много, как ни один еврей“.

А надо оговориться, что участием евреев в революции Кузнецов очень гордится! Чего бы, собственно? Ведь, в конечном-то счете, и сами евреи „за что боролись, на то и напоролись“. А уж сколько зла революция принесла России в целом, — кто теперь не знает и не признает?

Э. Неизвестный выражает, наряду с сомнительными, некоторые правильные мысли: „По моему, источник несвободы лежит в более глубоких понятиях, чем просто государственное устройство. Источники несвободы лежат в том, что после Возрождения из философии, науки, искусства начались изгонять и сердце человека. Забыли главное пророчество создателя новой науки Ньютона, что Вселенная не есть механизм, что и она все время испытывает потери, влияние других слоев бытия“.

Самый противный и отталкивающий в книге объект интервьюирования, это бесспорно — В. Матусевич, директор русской службы радио „Свобода“.

Не станем воспроизводить его злобных выпадов против А. Сол-

женицына, И. Глазунова и И. Шафаревича.

Но вот как он отвечает на вопрос о будущей России: „Одно могу сказать, и, наверное, не буду оригинален, что все споры идут между теми, кто считает, как А. И. Солженицын, что Россия должна идти только своим особым путем, и теми, кто считает, что этот особый путь, которым мы шли долго-долго, никуда, кроме тупика, кроме как в провалы, пропасти и катастрофы не приведет и привести не может. В этой ситуации я лично считаю, так: единственно возможный путь — это путь адаптации, модификации на свой российский покрой общедемократических ценностей, общедемократических институтов“.

Переведем своими словами сии корявые пассажи: нас зовут на путь порабощения Западу, а прямее говоря — Соединенным Штатам.

Приведем заодно даваемую здесь же характеристику г-на Матусевича одним из его сослуживцев (для начальства): „Владимир Матусевич... склочный характер, инициатор конфликтов, был понижен в должности, патологический трус, сексуально озабочен, дома содержит большую коллекцию порнографии...“

Многие из интервьюируемых, не знаем, зачем в книгу попали: м. б. они в России и известны, а нам их имена ничего не говорят: Л. Махлис, В. Урин... Е. Щапова замечательна только тем, что была женой Э. Лимонова; это не так-то уж много.

Жаль, что автор книги, сосредоточившись на первой и на третьей эмиграции, вовсе обошел вторую, если не считать интервью с какой-то совсем простой женщиной из народа, оставшейся в Австрии, выйдя замуж за австрийца. Она описывает свою жизнь честно и правдиво; но, естественно, ее кругозор узко ограничен. Из нашей многочисленной эмиграции, неужели Медведев не мог никого другого найти, ни в Америке, ни во Франции, где побывал?

Владимир Рудинский

нее бесов, ибо „беси бо Бога боятся“, а зол человек ни Бога не боится, ни человека. Именно посредством их множится мировое зло. Борьба за добро, любовь к добру, добротолубие существовали как своего рода культ в дохристианский период, после крещения Руси они получают дополнительное обоснование и высшее освящение, но вместе с тем кое-где вступают в противоречие с христианской догматикой.. Так, Иаков Мних (11-й век) восхвалял добро, считая, что святость достигается не чудотворением, а добрыми делами. Критерий истинной христианской жизни и святости — добрые дела. Основы добротолубия излагаются в „Изборнике 1076 г.“. Его составитель Иоанн Грешный вопрошает: „Что есть воля Божия, что требует небесный царь от земных людей?“ И отвечает — милостыни и добра. Благочестив не тот, кто проводит время в постах и молитвах, но кто добродетелен в жизни, творит благо ближнему. Праведная вера обязывает прежде всего служить людям. Это и есть милостыня Богу, исполнение Его просьбы.

В сборнике житейской мудро-

сти „Пчела“, одной из любимых книг русского человека 12-го по 18-й век, идеи добротолубия занимают также главное место. Человек должен стремиться к совершению благих дел. Православный, не совершивший при жизни добра, умирает не только телом, но и душой. Пагубен не только грех, но и отсутствие добрых дел.

Для подавляющей части русского народа еще в 19-м веке вера — это не то, чему учат богословы в семинариях, а духовно-нравственные начала, заветы предков. Мало кто задумывается над теологическим обоснованием тех или иных догматов, для массы простого народа вера — прежде всего нравственное чувство добротолубия, придающее жизни смысл и устойчивость. Русский человек верил и не задавал вопросов, ибо ответ был в самой душе, в национальном сознании. Незыблемость веры в высоком нравственном чувстве, имевшем национальный характер. Разрушение этого чувства пошатнуло и веру.

Говоря о национальном характере русского православия, следует особо отметить понятие соборности, неотделимое от

русского национального сознания.

Русский мыслитель Хомяков дает определение соборности, которое продолжает идейную линию русской мысли еще с дохристианских времен. Соборность по его учению — целостное сочетание свободы и единства многих людей на основе их общей любви к одним и тем же абсолютным ценностям. Такое понимание соборности соответствовало древнерусскому пониманию „лад“ и было неразрывно связано с общинной жизнью русского народа.

Основной принцип Православной Церкви, писал Хомяков, состоит не в повиновении внешней власти, а в соборности. „Соборность — это свободное единство основ церкви в деле совместного понимания ими правды и совместного отыскания ими пути к спасению, единства, основанное на единомыслии любви к Христу и божественной праведности“. Главное условие постижения истин веры состоит в соединении с церковью на основе любви, так как полная истина принадлежит всей церкви в целом. В православии человек находит „самого себя, но себя не

в бессилии своего духовного одиночества, а в силе своего духовного, искреннего единения со своими братьями, со своим Спасителем“.

Соборность — одно из главных духовных условий национального единства и создания мощной державы, какой была Россия.

Запад не сумел создать такого мощного государства, как Россия, объединенного на духовных началах, потому что он не достиг соборности, а для объединения народов вынужден был использовать прежде всего насилие. Католические страны, справедливо считал Хомяков, обладали единством без свободы, а протестантские — свободой без единства.

Россия сумела организовать органичное сочетание единства и свободы, в условиях которого почти каждый русский был строителем великой державы не за страх, а за совесть. Абсолютные ценности, на любви к которым объединялись русские люди, — Бог, Царь, Родина, или как это звучало в массе — за Веру, Царя и Отечество.

О. Платонов

Евграф Лапко (Черкассы)

ВСТРЕЧИ С БОРИСОМ ШИРЯЕВЫМ

Недавно в нашем „ближнем зарубежье“ появилась „Неугасимая лампада“. Привлекло не столько название книги, сколько имя ее автора.

Полистал предисловие и не ошибся, да, это мой Борис Николаевич!

Когда-то в детстве, проживая с родителями на Северном Кавказе, я был близко знаком с этим интересным человеком.

Он учил меня русскому и литературе в 6-7-м классах. Наши семьи жили в то время под одной крышей маленького домишки на южной окраине Черкесска. Электричества там не было, но захваченный вступающими в жизнь электро-радио-чудом я строил батареи и тусклую керосиновую лампу на столе обычно дополняла кроха от карманного фонаря.

На этот огонек, в далекие зимние вечера, и заходил наш новый сосед, коллега отца по школе, почти его ровесник — Ширяев. Чаще один, иногда с маленьким сыном.

Тогда моя мать ставила самовар, отец приносил шахматы, а трехлетнего Лоллика брал под свою опеку я. Увлекал его машинами из детского конструктора, моделями кораблей и самолетов, музыкой и таинственными голосами из наушников самодельного радиоприемника.

Иной раз мы сбегали на морозный двор, где весело катались на лыжах и санках. Бывало, впрягали в сани большого рыжего „Алгебра“ — так называл Борис Николаевич приبلудившегося во двор, умного пса, и он таскал нас, как эскимосов, быстрой собачьей рысью по заснеженной целине луга и сада.

Накатавшись вдоволь, снова возвращались в квартиру, попевая на заключительную, самую интересную часть вечера, когда откладывались в сторону шахматы и начинались рассказы гостя о былом.

Он любил вспоминать свое детство и юность, жизнь в родной Москве, университет, отца-профессора и его библиотеку, особенно — годы учебы и странствий за границей. Реже говорил об ужасах Первой Мировой войны, участником которой был и совсем скуп о тяжелых годах после революции, о личной трагедии, о страшных Соловках, о неусыпном внимании к себе и постоянной опеке советской власти.

Но как рассказывал — живо, ярко, увлекательно! Такими же интересными были и его уроки. Планов он не признавал. Никогда их не писал. В класс приходил с томиком Пушкина или Лермонтова. Сам очень любил стихи и прививал эту любовь нам, школьникам.

Больше говорил, чем спрашивал. Слушали его раскрыв рты, позабыв обо всем на свете, самые хулиганские ученики.

— Мировой мужик, новый учитель! — оценил наш здоровенный ежегодник второгодник Ерема.

И вскоре свершилось чудо. Ленивый и безразличный ко всему, что касалось учебы Еремей, стал учить русский язык, учить и даже читать стихи!

В 1940 году с мальчишками нашего 6-го „А“ Ширяев поставил на школьной сцене „Бородино“. По его рисункам и эскизам всем классом целый месяц готовили декорации, строгали ружья с длинными штыками, клеили кивера и амуницию, а наши матери шили из старья мундиры и белые штаны с лампасами.

Первое представление прошло с большим успехом. Я играл старого служаку. Отвечая на вопрос: „Скажи-ка дядя...?“, усаживался на бревно, по настоящему раскуривал трубку, закручивал наклеенный ус и степенно начинал рассказ молодым

солдатам о „Людях нашего времени“.

Хорошее оформление, необычайные костюмы и оружие тех давних лет, а главное — чудные лермонтовские стихи, приводили в восторг не только юных, но и взрослых зрителей.

Приглашенные на вечер родители, в основном кубанские казаки, для которых тема войны и защиты отечества, всегда была родной и близкой, устроили нам в конце бурную овацию.

По другому не могло и быть. Как не меняла новая власть имя бывшей станицы на городское — г. Баталпашинск, г. Сулимов, г. Ежово-Черкесск, и наконец, в 39-м — Черкесск, а суть оставалась прежней, казачьей.

В начале лета наше Бородино признали лучшим на смотре детского творчества. Радовались мы, исполнители, те же чувства испытывал и наш художественный руководитель. На большой сцене областного театра, где вручали грамоты, Борис Николаевич благодарил нас и как взрослым, крепко жал руки.

И все бы ничего, но был за ним один грех. Свою отрешенность от нового строя и неусыпное внимание властей, Ширяев заливал водкой.

Благо в молодой советской стране, недостатка в ней не было. Иногда, на второй или третий день, когда жена уходила на работу, а сам он добирался до магазина уже не мог, подзывал меня, вкладывал в ладонь шесть рублей с мелочью, хлопал по плечу и говорил негромко, хрипя: „Выручай, дядя!“

Просьбу приходилось выполнять.

Однажды отец, заметив мое возвращение с бутылкой в сумке, сказал после: „Очень нехорошо это. Но водка для него — единственное лекарство. Без нее ему на ноги не встать. Потому, сынок, помогай!“

Бывало возвращаясь вечером, Ширяев добирался до самой канавы, что отделяла нашу усадьбу от луга, но преодолеть мосток в одну доску сил уже не хватало. Там на траве он сваливался передохнуть.

„Алгебра“ быстро находил хозяина, летел к дому, царапался в стекла ширяевских окон.

Выбегала жена, за ней взлохмаченная тетьа Клодя, в хвосте плелся Лоллик.

Призывали на помощь кого-нибудь из нас. Сообразительный пес вел людей прямо к неподвижному телу.

Взрослые брали Бориса Николаевича под руки и ноги. Начиналась транспортировка на квартиру. Нам с Володей, чаще доставались шляпа и трость. Иногда подбирали спавшие с ног, стоптанные башмаки. Тогда под луной, сквозь большие дыры на носках, серебрились пятки моего учителя.

Вскоре объявились и первые неприятности. Сначала мелкие, после покрупнее. Если в школе опоздания и пропуски уроков как-то прощались, то в учительском институте, где Ширяев преподавал немецкий язык, мириться с этим не стали.

Как раз вышел указ о прогулах и опозданиях. Бориса Николаевича привлекли к суду.

Мой тесть, тогдашний завуч института, уже после, в шестидесятые годы, когда заходила речь о Ширяеве, рассказывал как тот вел себя на суде.

На вопрос судьи: „Ваше происхождение?“ — отвечал громко, резко, почти по слогам: „Дво-ря-нин!“

— Ваше образование?

— Дважды высшее. — Московский и Геттингенский университеты!

— Ваше бывшее воинское звание?

— Штабс-капитан!

И так возбужденно и грубо до самого конца судебного заседания. Видимо вопросы и тон, каким судьей задавал по пустяшному делу, только злили и раздражали, прошедшего тюрьмы и лагеря Ширяева.

Несмотря на приговор, ранее определенный указом — 25 процентов зарплаты в пользу государства, Борис Николаевич пить не перестал.

А вскоре и вовсе покинул Черкесск, переехав с семьей в Ставрополь.

Нам, мальчишкам, особенно жаль было расставаться со своим кумиром. Помогли погрузить нехитрые пожитки на школьные дрожки и провожали до самой автостанции.

Там прощаясь, я сказал: „Кидаете своих гусаров, Борис Николаевич? Хоть фото оставьте на память!“

— Другим старался не оставлять, — ответил он, — но вам подарю! Достал бумажник, вытащил небольшую фотографию и карандашом сделал надпись:

Моим друзьям, моим гусарам,
Потомкам воинов лихих.
Спасибо, Дядя, я не даром
Учил тебя читать стихи!

С уважением Б. Ширяев

Больше мы с ним не виделись, но сам Борис Николаевич, крепко запал мне в душу, а его имя после не раз встречалось на моем жизненном пути.

Прошло совсем немного времени и началась война. Проводили на фронт выпускников-десятиклассников. Из десяти мальчишек того класса в живых осталось только трое. Осенью ушел и наш переросток Еремин, что спрашивал меня на сцене про „Спаленную Москву“.

Он так и не вернулся с поля боя. Пропал без вести где-то в Крыму, в грозном 42-м.

А немцы тем летом, упоенные победами, уже покоряли вершины Кавказа.

Но не надолго. В январе 43-го пришел и мой черед идти под ружье. Я стал красноармейцем. (Слово солдат, тогда еще не вошло в обиход. Его относили только к заводителям).

Сформированный в Ставрополе из молодежи края, наш 123-й пехотный полк стоял в городе месяца два. Зима была снежной, холодной. Обогривались в казармах большими железными бочками из-под немецкого бензина.

Как-то добывая дрова в разрушенном здании, я подобрал кусок газеты. (На войне и это Божий дар для самокрутки).

Газета была времен оккупации. В самом низу прочитал: „Утро Кавказа“. Гл. редактор — Б. Ширяев.

Прошло еще месяца три.

С Кубанских плавней полк перебросили под Харьков. Там догнало меня письмо из дому. Писал отец о тяжелой, скудной и голодной жизни, о родственниках и знакомых, об оставшихся друзьях-однокурсниках, а в самом конце: „О своем учителе больше не спрашивай. Он продался фашистам. В Ставрополе редактировал газету и бежал с немцами на запад. Думаю, не нужна тебе теперь и память о нем“.

Отца явно тревожила фотография Ширяева и мои расспросы про него в каждом письме, да еще и с черным штампом — „Просмотрено военной цензурой“.

Долго еще гремела вторая половина войны, но еще дольше (целых пять лет) после ее окончания, пришлось мне служить „За того Парня“.

Домой вернулся с солдатским

вещевым мешком, да безнадежно забытым, своим восьмилетним образованием.

Но учебу осилил. В середине пятидесятых, уже окончил пединститут и преподавал физику в одной из школ города.

Обзавелся семьей. Как-то жена принесла из школьной библиотеки журнал — „Наука и Религия“. Развернула: „Посмотри, может узнаешь?“ Надпись под снимком прикрывала рукой.

С журнальной страницы, из-под военной высокой фуражки, смотрел чуть прищурив глаза немецкий офицер.

— А черт его знает!

С тем же вопросом обратилась она к свекрови.

— Ширяев это! — нераздумывая опознала мать.

Да, то была новая, неожиданная встреча с моим учителем!

Как я сразу не узнал вас, Борис Николаевич?

Видно все эти годы работала поговорка: „С глаз долой и из сердца вон!“ А может подвела немецкая форма?

Всматриваюсь в фотографию. Кажется все осталось прежним — тот же разворот и гордая посадка головы, удлинненное лицо с тонкими губами, четкие дуги бровей и глубокая морщина между ними. Остались даже неизменными глаза, с особым, ширяевским прищуром.

Снова, и в который раз, пожалел, что не уберег то, давнее фото. Как бы сейчас пригодилось.

А вот Ге-Бисты не выбросили, сохранили! И еще добавили одно. Тут только рассматривая нашивку на левом рукаве: „РОА“ — Русская Освободительная Армия! Понятно, что Власовец.

Тяжко ему было рвать связи с Россией. Хотелось очень хоть одним боком, хоть только названием, но быть вместе с отчизной.

Отшумело полстолетия. Теперь на склоне века и своих лет, на берегах седого Днепра, куда забросила меня судьба под конец жизни, еще одна и видно последняя встреча.

Многое осветила „Неугасимая лампада“. Стали понятными жизненные зигзаги и тяжкий, неровный путь ее автора после 17-го года, через жуткие Соловки, через окраины России, через ряды РОА и новые скитания за границей.

Счастье Ширяева, что попал он на острова в числе первых заключенных, когда молодая соловецкая власть делала еще робкие шаги, только училась карать и наказывать. Оттого и дозволялось многое, что запретили позже — и собственный НЭП, с коммерческой столовой и оркестром, и свой театр — „Хлам“, и праздники с богослужениями, свободный выход для „казров“ за пределы кремля и даже агитработа в неприступных для других, жен-баракх.

Но ширяевых там были единицы, не всякий мог свободно изъясняться на трех иностранных языках, играть на лагерной сцене первых любителей, писать стихи и рассказы в лагерный журнал и перевоспитывать падших женщин.

Основная масса каторжного люда несла свой тяжкий крест — рубила заповедный лес, везала плоты в ледяной воде, добывала торф, изнывая под комарьем, голодала и умирала, пополняя „Шестнадцатую роту“.

Но Борис Николаевич выжил и оставил людям свою книгу. За первый досолженицынский „Архипелаг Гула“ — спасибо, учитель!

Жаль только, что родину попал он слишком поздно.

Евграф Лапко

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ПИТЕРСКИЕ ДВОРЯНЕ

Нам пишут из С. Петербурга:

Газета „Дворянское Собрание“ сообщила, что Союз Потомков Российского Дворянства Санкт-Петербурга обратился к патриарху Алексису Второму с призывом канонизировать убиенного Цесаревича Алексея Николаевича и провозгласить его небесным покровителем Российской Государственности.

Газета редактируется З. С. Бобковой. Тираж — 3.000 экземпляров. Ее адрес: 198328 С. Петербург, а/я 527.

СУДЬБА КУТЕПОВА

Нам пишут из Нью Йорка:

Писательница Алла Кторова опубликовала в газете „Новое Русское Слово“ очерк озаглавленный „Их всех надо честь, им всем отдадим честь...“, в котором упомянула о похищении в Париже в 1930 году генерала А. П. Кутепова и о его трагической гибели. По ее словам, он был „сожжен в паровой топке чекистами“.

Это утверждение, разумеется, впечатляет. Однако по сей день обстоятельства смерти белого генерала, начальника Русского Обще-Воинского Союза все еще не установлены, несмотря на многие публикации на эту тему.

Только в 1989 году на основе „подлинных документов архива Комитета Государственной Безопасности СССР“ были рассекречены материалы, относящиеся к похищению Кутепова и затем его преемника Миллера. Впервые советская сторона признала роль, которую сыграли при этом ее агенты — бывший белый генерал Николай Скоблин и его жена, известная певица Надежда Плевицкая, тайно работавшие на ОГПУ.

В воскресный день 26 января 1930 года Кутепов вышел из своей парижской квартиры и направился в церковь Галлиполийского Союза. Получив накануне записку о необходимости срочной встречи, он по дороге, на трамвайной остановке должен был подождать некоего „собеседника“. Когда Кутепов поравнялся с одной из стоящих легковых машин, из нее вышли два человека и, представившись работниками парижской префектуры полиции, предложили ему поехать с ним.

Согласно этой опубликованной версии, „Кутепов кивнул и сел в машину“, которая доставила его в Марсель. Там в порту оперативная группа, осуществлявшая захват, передала его на борт советского парохода „Спартак“, куда пленника провели под видом загулявшего механика машинного отделения. Судно взяло курс на Новороссийск и при подходе к нему, если верить „подлинным документам архива КГБ“, „Кутепов умер от сердечного приступа прямо на судне“.

Уже тогда сенсационность откровенных материалов, не затмила отдельные неувязки в деталях. Так, зная исключительную подозрительность генерала, трудно было предположить, что он добровольно сел в незнакомую машину. Да и сам способ его доставки на судно тоже отдавал некоей искусственностью, театральностью.

И, наконец, „протоколы“ ОГПУ, где смерть их „подопечного“ фиксировалась „от сердечного приступа“. Эти их протоколы сами по себе уже настолько скомпрометированы, что говорить о них как о первоисточниках, разумеется, не приходится.

Ввиду всей этой недосказанности, фрагментарности изложения можно было предположить, что появится новая версия. Так оно и вышло. Уже в следующем, 1990 году появляется еще одна (но последняя ли?) трактовка событий того дня.

Французский историк Жан Эленштейн предал гласности заявление, которое сделал ему перед смертью (в 1979 году) депутат-коммунист Морис Онель. Он заявил, что „полицейским“ при похищении генерала Кутепова был его, Онеля брат, который прикрывал агентов ОГПУ. По словам Онеля, Кутепов оказал чекистам такое сопротивление, что они не могли вести машину. Тогда брат Онеля заколол генерала ножом. Тело убийцы отвезли в гараж парижского пригорода Леваллуа-Перре, вырыли там яму и, опустив туда труп, залили его цементом.

И все же последнее слово и здесь не сказано. Роль французского коммуниста — или сочувствовавшего коммунистам — в этой операции была сугубо вспомогательной, и едва ли он решился бы настолько превысить свои явно четко оговоренные полномочия. Тем более, как сообщил Морис Онель, „ликвидация Кутепова программой не предусматривалась“. Его следовало доставить в Москву, — для этого и стояло в ожидании советское судно в порту Марселя.

Возможно, ближе всех к разгадке исчезновения Кутепова был В. Л. Бурцев, известный журналист, разоблачивший в свое время знаменитых провокаторов Азефа и Малиновского.

Бурцев нашел бывшего резидента ОГПУ в Берлине Фехтера, который стал невозвращенцем и скрывался от прежних хозяев. От него стали известны те, кто организовал и осуществил похищение Кутепова. Их было четверо, все — сотрудники советских представительств во Франции и одновременно — сотрудники иностранного отдела ОГПУ. Главную роль играли двое — В. Б. Янович и Л. Б. Гельфанд. Первый из них в период массовых чисток был репрессирован в Советском Союзе. Судьба же второго (он, кстати, племянник известного германского социалиста Парвуса, настоящая фамилия которого — также Гельфанд) сложилась более необычно. К началу Второй Мировой войны, будучи поверенным в делах СССР в Италии, он получил предписание вернуться в Москву.

Опасаясь (не без оснований) за свою жизнь, он обратился в американское посольство в Риме и получил политическое убежище в США. Здесь он жил под другой фамилией вплоть до своей смерти в шестидесятые годы.

Среди многих секретов, которые он мог раскрыть, находясь в Соединенных Штатах, были, без сомнения, и подробности операции по похищению Кутепова. Если обнаружатся такие документы, — скажем, записки Гельфанда, — обстоятельства гибели генерала Кутепова, вероятно можно будет считать уже окончательно установленными.

ОСТАНКИ ИМПЕРАТОРОВ

Нам пишут из С. Петербурга:

На проходившее под эгидой „Романовского Фонда“ в Павловском дворце научной конференции „Император Николай Второй и Его время“, в докладе сотрудника музея истории С. Петербурга С. Е. Синько о Петропавловском соборе как усыпальнице Российских Императоров сообщалось, что готовится к изданию роскошно исполненный альбом изображений сохранившихся в соборе надгробий, чертежей устройства усыпальницы, эскизов печального убранства храма и прочих жанровых картин траурных церемоний в северной столице.

На вопрос корреспондента органа сторонников Русской Зарубежной Церкви, журнала „Возвращение“, о судьбе самих останков упокоившихся под сенью Петропавловского крепостного собора, докладчик подтвердил факт вскрытия и ограбления всех могил еще в 1918 году с последующим уничтожением останков, которые ныне в гробницах полностью отсутствуют.

Несмотря на то, что некоторые документальные свидетельства о том уже обнаружены и ныне обрабатываются рабочей группой, в которую входит докладчик, сведения о разорении усыпальницы в первый „валютный“ выпуск альбома на английском языке помещены не будут.

ГЕНЕРАЛ АЛЕКСЕЕВ

Нам пишут из Тулы:

В 1994 году издательство „Филин“ выпускает в свет книгу воспоминаний о генерале Алексееве его дочери В. М. Алексеевой-Борель.

В двухтомнике объемом более 1.000 страниц впервые с такой полнотой публикуются личные документы: письма, дневники, доклады, служебные записки, телефонограммы выдающегося военного деятеля России, одного из организаторов Добровольческой Армии Михаила Васильевича Алексеева (1857-1918), подобранные его дочерью Верой Михайловной Алексеевой-Борель из личного архива (Буэнос Айрес).

Эти материалы сопровождаются ее собственными подробными воспоминаниями. Читатель прохо-

дит весь путь генерала М. В. Алексеева, жизнь которого была каждодневным упорным трудом на благо России, самоотверженным служением под исконно русским девизом „За Веру, Царя и Отечество“, — от первых шагов военной карьеры до несвоевременной кончины доблестного военачальника в разгар Белого движения.

Генерал Алексеев как историческая личность предстает во весь рост на фоне нескольких десятилетий основных событий в жизни Российской Империи рядом с выдающимися людьми своего времени, от имп. Александра Третьего и имп. Николая Второго до персонажей Временного Правительства и героев Белой Армии.

Личные встречи генерала Алексеева с последним русским Государем, их беседы, их взаимопонимание, драматической развязкой, которой стало отречение от престола нашего монарха, первая заупокойная служба по Государю на юге России, организованная генералом незадолго до собственной кончины — самые яркие эпизоды книги. А еще — длинная цепь событий русской военной истории, от последней Русско-Турецкой кампании до Первой Мировой войны и трагических дней революции.

Нельзя без волнения читать сцены, очевидцем которых была сама В. М. Алексеева-Борель: покушение на П. А. Столыпина, начало большевицкого террора, смерть генерала Корнилова, Кубанские походы и, как финал книги, смерть и торжественные похороны генерала Алексеева.

Сотни писем генерала Алексеева, написанных с мест событий жене Анне Николаевне (урожденной Пироцкой), детям, читаются как проникновенная живая летопись, созданная пером русского, глубоко православного человека, мудрого, честного, обладающего зорким взглядом и добрым сердцем.

Авторитетные высказывания о генерале Алексееве его соратников, друзей, таких свидетелей многих событий его жизни, как Деникин, Сергеевский, Богаевский и др., частично публикуются здесь впервые.

Эта энциклопедическая по своим масштабам книга о генерале М. В. Алексееве, о важнейших событиях русской истории начала века снабжена статьями и примечаниями видных историков, справочным аппаратом. Книга прекрасно оформлена: 30 малоизвестных иллюстраций из семейного архива генерала Алексеева — приятное открытие для читателя, любящего современную русскую историю.

Заявки на книгу можно отправить: Россия, 300026, Тула, ул. Волнянского 2, Издательство „Филин“, тел. (0872) 25-33-77.

Каждая новая подписка на „Нашу Страну“ увеличивает возможности бесплатной пересылки газеты нашим соотечественникам в Россию.